

ПАТРУШЕВ СЕРГЕЙ

ТРЕЩИНЫ В ЗОЛОТЕ

Сергей Патрушев
Трещины в золоте

«Автор»

2026

Патрушев С.

Трещины в золоте / С. Патрушев — «Автор», 2026

«Трещины в золоте» Джек Торговец привык продавать всё: от шерсти до чужих секретов. Его новое задание — вернуть беглую невесту лорду Эдгару. Дело плевое, если бы не одно «но». Анастасия не умеет держать язык за зубами, цитирует экономику в лицо убийцам и видит трещины в стенах идеального города эльфов. Путь от грязных трущоб Кормира до сияющих шпилей Ривенделла обернётся катастрофой. Чтобы спасти мир от пробуждения Древних, Джеку придётся сжечь город, а Анастасии выбрать между золотой клеткой и любовью вора. Их история — это не сказка о рыцаре. Это сделка, где ставкой стала душа.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Повозка, полная историй	5
Глава 2. Дорога в Валдорию	12
Глава 3. Турнир Трех Щитов	20
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Сергей Патрушев

Трещины в золоте

Глава 1. Повозка, полная историй

Солнце еще не успело высушить ночную росу на булыжниках рыночной площади, а Джек уже третий час воевал со своей повозкой. Это было не транспортное средство, а передвижной музей его жизни, собранный из досок мореного дуба, потертой кожи и сотен латунных блях, которые тускло поблескивали в сером утреннем свете. Каждая царапина на ее бортах имела имя. Каждая вмятина на окованном железом днище — историю.

Джек был торговцем. Не тем крикливым зазывалой, что хватает прохожих за рукава, втюхивая поддельные амулеты от сглаза, и не тем угрюмым перекупщиком, что считает медяки в грязной лавке. Джек был из тех, чьи товары говорят сами за себя. Его повозка пахла не пылью и навозом, а дальними странами. Пахла йеменским ладаном, терпкой корицей с Цейлона, сухим вереском с северных пустошей, горьким миндалем из южных долин и едва уловимым, сладковатым ароматом черного дерева.

Сейчас этот передвижной ковчег был загружен лишь на две трети, и это раздражало Джека до скрипа зубов. — Нет, не сюда, — бормотал он, обращаясь к молодому помощнику, который пыхтел, пытаясь затолкать тяжелый дубовый сундук с пряностями. — Ты центр тяжести смещаешь. Если на первом же ухабе этот сундук пойдет гулять, он проломит борт и рассыплет черный перец на милю вокруг. Птицы чихать будут до самого Перешейка.

Помощник, красный от натуги, послушно отступил. Джек сам взялся за дело. Его руки, хоть и ухоженные — торговец не может позволить себе мозоли, которые пугают клиентов, — обладали силой кузнеца. Он уперся плечом, крикнул, и сундук с глухим, солидным стуком встал точно в паз, зафиксированный тяжелой дубовой распоркой. — Вот так, — удовлетворенно выдохнул Джек, вытирая лоб тыльной стороной ладони. — Теперь шкуры.

Сверху, на тюки с шерстью и рулоны мягчайшего соболиного меха, легли связки сушеных трав, закупленных у старой травницы на окраине. Джек лично проверял каждую вязку. Пижма, зверобой, полынь. Запахи родного края, которые он вез на север, где за пучок полыни, правильно собранной в полнолуние, давали цену годовалого теленка.

Его родной город, Гримвуд, просыпался. Со стороны пекарни потянуло свежим хлебом, перекрыв на мгновение пряную симфонию повозки. Зазвенел колокол на башне магистрата, отбивая пятый час. Пора было трогаться. До Перекрестка Семи Ветров — места, где сходились торговые пути на север, восток и в пустоши — было два дня пути по разбитой, раскисшей от недавних дождей дороге.

Джек похлопал по шее свою старую кобылу Мышку. Та лишь лениво махнула хвостом, отгоняя муху. Она была такой же частью повозки, как и колеса. Серая, неприметная, с глубокими, всезнающими глазами. Джек купил ее жеребенком пятнадцать лет назад и с тех пор ни разу не менял. — Ну что, старая, — пробормотал он, поправляя упряжь. — Последний мешок муки в ноги, и молимся, чтобы мост через Гнилой ручей не смыло.

Он уже занес ногу на ступеньку, чтобы забраться на козлы, когда периферийное зрение уловило движение. Не суетливое, не деловое. Что-то чужеродное в ритме этого утра.

Она бежала со стороны жилых кварталов, и цокот ее кожаных сапожков по мокрому булыжнику выбивался из общей симфонии рынка. Джек замер, разглядывая ее.

Девушка. Лет двадцати пяти, не больше. Одета она была не по-местному. В Гримвуде носили плотные суконные платья, темные, практичные, под которые для тепла поддевали по три нижних юбки. На ней же было легкое дорожное платье из темно-зеленой шерсти, скроен-

ное так, чтобы не стеснять шага. Под ним виднелись штаны из мягкой кожи, заправленные в невысокие сапоги. Никаких корсетов, сдавливающих ребра в тиски, никаких кружев, в которых застревает городская копоть. Ее волосы, цвета выдержанного гречишного меда, были туго стянуты на затылке простой кожаной лентой, но несколько влажных прядей выбились и прилипли к раскрасневшейся от бега шее.

Но не одежда заставила Джека опустить занесенную на ступеньку ногу. Ее глаза. Огромные, цвета старого, выдержанного виски, они горели таким отчаянным, почти болезненным голодом, что Джеку на мгновение стало не по себе. Это был взгляд человека, который слишком долго смотрел на одну и ту же стену и вдруг осознал, что за ней есть целый мир.

Она остановилась в паре шагов от повозки, тяжело дыша. Высокая грудь вздымалась под плотной тканью. — Вы Джек? — выпалила она. — Джек Торговец?

Джек медленно кивнул. За тридцать лет жизни и десять лет странствий он привык к разным посетителям. Приходили вдовы, желающие купить приворотное зелье. Приходили стражники, ищущие контрабанду. Приходили аристократы, ищущие экзотических птиц. Но такой напор он видел редко. — Допустим, — осторожно ответил он. — А вы, должно быть, заблудились, госпожа? До Перекрестка Семи Ветров пешком — верная смерть. Разбойники, топи, волки. — Я не заблудилась, — она шагнула ближе, и Джек уловил запах озона, мокрой шерсти и чего-то неуловимо цветочного. — Я вас ждала. Я видела, как вы разгружались вчера у «Пьяного сома». Я знаю, что вы выезжаете на рассвете.

Джек скрестил руки на груди. Его повозка была его крепостью. Его личным пространством. Он не любил попутчиков. Они болтали, задавали глупые вопросы, воняли страхом или чесноком, а главное — нарушали идеальный баланс груза. — Мои соболезнования вашему зрению, — сухо сказал он. — Но мест нет. Даже если бы вы предложили мне золото короны. Повозка забита под завязку. Центр тяжести рассчитан до унции. Одно лишнее движение — и мы перевернемся на первом же повороте.

— Я ничего не вешу, — быстро, почти умоляюще проговорила она. — Я буду сидеть тише мыши. Я могу спать на мешках с мукой. Я могу помогать править. Я умею кипятить воду на ходу и перевязывать раны. Я не буду обузой, клянусь!

Она смотрела на него снизу вверх, и в ее взгляде плескалось отчаяние пойманной птицы. Джек перевел глаза на ее руки. Пальцы длинные, нервные, с въевшейся под ногти дорожной грязью, но ладони не стерты в кровь. Она не крестьянка, бежавшая от тяжелой доли. — Куда вам? — спросил он, уже зная, что пожалеет об этом. — Куда угодно, — выдохнула она. — На север. К горам. К пустошам. Лишь бы подальше от этих стен. Мой отец... он договорился о моем браке. С лордом Эдгаром. Ему шестьдесят, у него нет трех передних зубов, и он пахнет тухлой рыбой и камфорой. Свадьба через три дня. Если я вернусь, меня запрут в башне до самой церемонии. Я не хочу быть племенной кобылой, Джек. Я хочу увидеть, как цветет вереск на северных пустошах. Я хочу услышать, как поют камни в Змеином каньоне. Я читала... я столько читала.

Джек тяжело вздохнул. Классика. Романтическая дурочка, начитавшаяся баллад. Через два дня пути она насквозь продрогнет, ее сапоги развалятся, а от запаха тухлой рыбы лорда Эдгара она будет мечтать, как о манне небесной, потому что запах ее собственных немых ног в замкнутом пространстве повозки станет куда более суровым испытанием для ее тонкого обоняния.

— Разворачивайся, — отрезал он. — До церемонии еще три дня. Успеешь надышаться свободой на заднем дворе. — Нет! — она вдруг вцепилась в его рукав. Хватка у нее оказалась на удивление крепкой. — Пожалуйста. Хотя бы до Перекрестка. Оттуда идет тракт на Северные Ворота. Я сойду там. Я заплачу! — Мне не нужны твои деньги, — он стряхнул ее руку. — Мне нужно выехать, пока стража у Восточных ворот не начала проверять подорожные. А они начнут, как только услышат, что из города сбежала дочь городского казначея.

Она побледнела. Слово «казначей» она не стала отрицать. — Они не будут искать меня за воротами, если мы уже будем в пути, — зашептала она. — Они решат, что я прячусь в городе, у теток. Джек, умоляю. Я буду вашей тенью. Вы даже не заметите, что я есть.

Мышка перестала жевать сено и фыркнула, словно соглашаясь с последним утверждением.

Джек посмотрел на небо. Тучи сгустились, предвещая затяжной, мерзкий дождь. Смотреть на дорогу в одиночку двое суток — испытание для глаз и нервов. Смотреть на нее, зная, что на козлах сидит заплаканная девица, которая впервые в жизни видит грязь глубже подошвы, — испытание для печени.

Но в ее глазах было что-то еще. Не только страх перед лордом Эдгаром. Там была та самая бездна, которая когда-то, двадцать лет назад, вытолкнула самого Джека из такого же душного, предсказуемого мирка. Он помнил это чувство — когда стены комнаты начинают физически давить на грудь.

— До Перекрестка, — медленно, чеканя каждое слово, произнес он. — И ни милей дальше. Там трактир «Сломанное колесо». Я оставлю тебя там. Если к вечеру второго дня ты не передумаешь и не попросишься обратно к папочке — твои проблемы. Если тебя найдут люди твоего отца и поволокут домой, я скажу, что высадил тебя еще у Гнилого ручья. Если ты начнешь ныть, что тебе жестко, холодно или скучно, я выкину тебя подышать в первой же канаве. Это понятно?

Она не ответила. Она просто смотрела на него, и по ее щеке, оставляя светлую дорожку на грязноватой коже, скатилась одна-единственная слеза. А потом она улыбнулась. Такой светлой, обезоруживающей улыбкой, что Джек почувствовал себя старым, ворчливым медведем, который только что согласился отдать мед самым глупым пчелам в лесу.

— Понятно, — тихо сказала она. — Спасибо. Меня зовут Анастасия. — Мне плевать, — буркнул Джек, хотя имя ей удивительно шло. — Залезай. Быстро. И ложись на пол за козлами. Если кто-то из стражи заглянет в повозку, ты — мой новый походный сундучок. Поняла?

Анастасия кивнула, подхватила подол платья и, легко, по-мальчишески, перемахнула через борт. Джек услышал, как она шуршит мешковиной, устраиваясь среди тюков с шерстью.

Он еще раз оглядел площадь. Никто не бежал за ними с криками. Город только начинал зевать. — Сиди как мышь, — бросил он в темноту повозки и, получив в ответ тихое «Клянусь», забрался на козлы.

Взял в руки вожжи. — Пошла, старая! — щелкнул он языком.

Мышка тяжело вздохнула, переступила с ноги на ногу, и огромные дубовые колеса, окованные железом, со скрипом повернулись. Повозка, весящая, наверное, больше тонны, медленно, величественно покатила по мокрым булыжникам, покидая Гримвуд.

Джек правил молча, напряженно вслушиваясь в тишину за спиной. Там действительно было тихо. Ни шмыганья носом, ни возни. Девица либо задохнулась под мешковиной, либо действительно умела держать слово.

Восточные ворота приближались. Две приземистые башни, сложенные из серого камня, между которыми болтались на ветру тяжелые дубовые створки. — Стой! Кто едет? — лениво окликнул их стражник с верхней галереи, жуя кусок вяленой говядины.

Джек натянул вожжи. Мышка послушно остановилась. — Джек Торговец, — крикнул он, не оборачиваясь. — Везу шерсть, специи и шкуры на Север.

Стражник, кряхтя, спустился по скрипучей лестнице. Обошел повозку, для порядка пнул сапогом заднее колесо. Заглянул под тент. — А это что за сундук новый? — ткнул он пальцем в сторону, где лежала Анастасия. — В ведомости не было.

Джек похолодел. Если стражник решит проверить «сундучок», их путешествие закончится, не начавшись. — Это походный алтарь, — не моргнув глазом, соврал Джек. Голос его звучал ровно и скупающе. — Еду в монастырь Святого Квентина, что за горами. Братья зака-

зали. Резной, из мореного дуба. Говорят, отгоняет болотную лихорадку. Тяжелый, зараза, еле уместил.

Стражник уважительно посмотрел на борт повозки. — Дорогое дерево, — протянул он. — Ладно, проезжай. Только пошлины на алтари нынче высокие, слышал? — За веру денег не жалко, — смиренно ответил Джек, протягивая пару медяков.

Стражник хмыкнул, спрятал монеты в карман кителя и махнул рукой. Створки ворот со скрежетом разошлись.

Как только каменная арка осталась позади, а городские стены скрылись за поворотом, Джек щелкнул вожжами. — Ну, выдыхай, — сказал он, обращаясь то ли к Мышке, то ли к мешковине. — Твой первый акт государственной измены прошел успешно.

Мешковина зашевелилась. Из-под нее показалась растрепанная голова Анастасии. Волосы окончательно выбились из ленты, лицо было бледным, но глаза сияли так, словно она только что выиграла войну. — Он правда поверил? — прошептала она. — Про алтарь? — Стражники верят в две вещи, — усмехнулся Джек, не оборачиваясь. — В звонкую монету и в то, что святоши готовы платить за любую щепку, если назвать ее реликвией. Мы проехали. Ложись обратно, пока нас не нагнал патруль.

Анастасия послушно исчезла, но через минуту снова приподняла край ткани. — А можно я посижу с вами? На козлах? — попросила она. — Обещаю, я не буду говорить. Я просто... хочу видеть дорогу.

Джек хотел снова рывкнуть, напомнить про центр тяжести и приказ сидеть тихо, но осекся. Он посмотрел на ее лицо, прижатое к щели в брезенте. Она напоминала ему цветок, который слишком долго держали в погребке и вдруг вынесли на свет. Она буквально впитывала этот серый, пасмурный пейзаж. — Сиди, — сдался он. — Но если свалишься на повороте, я не остановлюсь, чтобы тебя отскребать. И запахни плащ. От тебя пахнет городом.

Анастасия, путаясь в полах, перебралась на козлы. Места там было ровно на полтора человека. Она прижалась к теплому боку Джека, обхватила колени руками. Повозка снова тронулась, набирая скорость. Грязь чавкала под колесами, Мышка размеренно перебирала ногами, от ее шкуры шел густой запах конского пота и сена.

Они выехали на Старый тракт. Деревья по обочинам стояли голые, черные, тянули корявые ветви к низкому небу. Дорога начала забирать вверх, к предгорьям.

Прошел час. Потом второй. Анастасия молчала, как и обещала. Она смотрела на мир так, будто пыталась запомнить каждую травинку. Джек краем глаза наблюдал за ней. Щеки ее порозовели от холодного ветра, на носу выступили едва заметные веснушки.

Тишина становилась уютной. Ритмичный скрип колес, фыркание Мышки, свист ветра в ушах. Но тишина для торговца — это неестественное состояние. Тишина означает, что клиент спит, а значит, сделка не состоится. Или что на тракте разбойники, и они затаились. Джек привык заполнять пространство звуком.

Он откашлялся. — Знаешь, почему его называют Плачущим? — спросил он в никуда, глядя на свинцовую полосу горизонта.

Анастасия вздрогнула, вырванная из созерцания. — Кого? — тихо спросила она. — Дракона. Что спит под Змеиным каньоном.

Джек достал из-за пазухи флягу из потертой кожи, отвинтил крышку и сделал долгий глоток. Внутри был крепкий травяной настой с медом — его личный рецепт, чтобы не спать сутками. Он протянул флягу Анастасии. Она помедлила, но взяла. Сделала крошечный глоток, закашлялась, но вернула сосуд с достоинством.

— Я слышала сказки, — сказала она. — Что он плачет, потому что тоскует по небу. Что его крылья перебили рыцари Первого Легиона.

Джек усмехнулся, понукая Мышку. — Рыцари Первого Легиона... — протянул он с издевкой. — Они бы обделались от страха, увидев тень этой твари. Нет, девочка. Все было

проще и гораздо страшнее. Это не сказка для убаюкивания детей. Это история о том, почему в Змеином каньоне никогда не идет снег, даже когда в миле от него стоят сорокаградусные морозы.

Анастасия подалась вперед, вцепившись пальцами в край козел. Ее глаза потемнели от предвкушения. — Я слушаю, — выдохнула она.

Джек удобнее перехватил вожжи. Дорога впереди делала крутой поворот, огибая глубокий овраг. Идеальное место для начала хорошей истории. — Это было триста лет назад, — начал он, и его голос изменился. Исчезла рыночная хрипотца, исчезла повседневная усталость. Теперь это был голос сказителя, глубокий, обволакивающий, заставляющий забыть о мокрой одежде и пустом желудке. — Тогда эти земли не принадлежали Короне. Здесь жили племена Железноруких. Дикари, конечно, но кузнецы от богов. Они ковали сталь, которая рубила гранит, как масло. И жил среди них один мальчишка. Звали его Каэль.

Каэль не был воином. Руки его, хоть и жилистые, не знали тяжести боевого молота. Он был подмастерьем у старого травника, собирал коренья на болотах и умел отличать по вкусу утреннюю росу на листьях. В то утро, когда небо на востоке стало цвета запекшейся крови, Каэль забрел дальше обычного. Он искал «слезы гор» — редкий белый мох, растущий только там, где гранит соприкасается с вечной мерзлотой.

Он нашел его в расщелине, у самого подножия того, что спустя века назовут Змеиным каньоном. Мох светился в полумраке, и Каэль, срезая его костяным ножом, вдруг почувствовал, как дрогнула земля.

Это не было похоже на землетрясение. Земля не тряслась — она стонала. Низкий, утробный звук, от которого заныли зубы и заломило в висках. Птицы, певшие в кронах, замолкли разом, словно кто-то заткнул им клювы.

Каэль поднял голову. Скала перед ним, монолитная, черная, пошла трещинами. Не мелкими паутинками, а глубокими, в ладонь шириной, разломами. Из них не сочилась вода. Из них сочился свет. Тот самый кроваво-красный свет, что окрасил небо, но теперь он был густым, почти осязаемым, как расплавленное стекло.

Скала взорвалась.

Это не было извержением вулкана. Камень не превратился в пепел. Он разлетелся в стороны тысячей острых осколков, которые зависли в воздухе, медленно вращаясь. А в центре образовавшейся бездны, заполняя ее собой, появилось Око.

Око дракона.

Оно не было желтым или красным, как рисуют на гербах. Оно было слепяще-белым, цвета расплавленного серебра. И оно смотрело прямо на Каэля.

Мальчишка оцепенел. Он не мог бежать. Ноги вросли в мшистую землю. Он видел, как расширяется зрачок — вертикальная черная щель, поглощающая свет. А потом Око моргнуло.

Веки дракона были покрыты броней. Когда они сомкнулись, звук был подобен удару осадного тарана о ворота крепости.

А затем дракон начал выходить из скалы.

Он не выползал. Он выдавливал камень из себя, как человек выдавливает воду из мокрой одежды. Его чешуя была цвета старого, мокрого базальта, и каждая пластина была размером с башенный щит. Когда он повел плечами, осыпая тысячелетние утесы, раздался звук, похожий на плач. Но это плакал не зверь. Плакал камень, не выдерживая давления его мышц.

Каэль упал на колени. Воздух стал густым и горячим. Каждый вдох обжигал легкие. Дракон был огромен. Его голова, увенчанная рогами, похожими на корни мертвого дерева, поднялась выше самых высоких сосен.

И тогда он открыл пасть.

Он не зарычал. Он выдохнул.

Это не было пламенем. Пламя — это свет и жар. То, что вырвалось из глотки твари, было абсолютным, концентрированным уничтожением. Столб прозрачного, беззвучного огня. Он не сжег траву. Он стер ее из реальности. Там, где прошел этот выдох, земля просто исчезла, обнажив кипящую, светящуюся магму.

Каэль закричал, закрывая лицо руками. Он ждал, что станет пеплом. Но смерть не приходила.

Когда он осмелился открыть глаза, дракон уже смотрел в другую сторону. Его внимание привлекли звуки рога со стороны Железного Перевала.

Там, на холмах, выстраивался Первый Легион Короны. Тысяча закованных в сталь солдат. Солнце блестело на их шлемах, на наконечниках копий, на штандартах. Они казались себе несокрушимыми.

Дракон наклонил голову. Его белое Око с вертикальным зрачком посмотрело на сталь, на людей, на их жалкую суету. В этом взгляде не было ярости. Там была бесконечная, космическая скука.

Он снова выдохнул.

На этот раз досталось не земле. Досталось небу. Столб прозрачного огня ударил в центр Легиона.

Джек сделал паузу, щелкнув вожжами. Мышка всхрипнула, словно тоже видела перед собой эту картину.

— Знаешь, что самое страшное в магии драконов? — спросил Джек, не глядя на Анастасию. Та сидела, вцепившись в его рукав, побледневшая, с приоткрытым ртом. — Не то, что она убивает. А то, что она делает с памятью.

Первый Легион не сгорел. Они просто... перестали быть. Их доспехи осыпались на землю горсткой рыжей пыли. Их кости превратились в мел. Знамена истлели, не успев коснуться травы. Там, где секунду назад стояла железная стена людей, теперь была лишь идеально круглая, гладкая, стеклянная воронка. Зеркальная.

Дракон обвел взглядом горизонт. Удовлетворенно — если монстр может быть удовлетворен — кивнул своей бронированной головой. И начал заваливаться на бок.

Он был стар. Древнее самих гор. Выплеск такой силы отнял у него остатки жизни. Он рухнул в ущелье, которое сам же и создал своим рождением. Земля содрогнулась так, что реки потекли вспять.

Каэль, оглушенный, обгоревший лишь по краям одежды, подполз к краю стеклянной воронки. Он заглянул в нее. На идеально гладком дне, среди оплавленного песка, лежал единственный предмет. Медный свисток, который носил на шее капитан Легиона. Он был цел. Ни царапины.

Каэль взял его. Металл был ледяным.

А потом дракон заплакал.

Из его глаз, размером с небольшие озера, потекла не вода. Тек расплавленный свинец его магии. Слезы падали на камни каньона и не гасли. Они прожигали гранит насквозь, уходя вглубь, к самому сердцу мира.

С тех пор прошло триста лет. Дракон спит там, на дне, и его горячее дыхание согревает каньон. А слезы... Слезы до сих пор сочатся из-под его век. Местные называют их «мертвой водой». Если капля такой слезы попадет на кожу — плоть не сгорит. Она просто перестанет чувствовать боль. А потом перестанет чувствовать что-либо вообще. Человек остается живым, ходит, ест, говорит, но глаза его становятся пустыми, как удохлой рыбы. Идеальный раб. Идеальный солдат.

— Вот почему его называют Плачущим, — закончил Джек. — Не от тоски по небу, девочка. А потому что его горе отравляет землю.

Анастасия молчала долго. Колеса повозки мерно месили грязь. Ветер усилился, неся с собой первые, тяжелые капли дождя. — Это правда? — наконец прошептала она. — То, что в каньоне находят стеклянные цветы?

Джек хмыкнул. — Стеклянные цветы — это байка для дураков, чтобы продавать втридорога куски обычного кварца. А вот «мертвая вода» — правда. Я сам видел караван, который вез бочонки с ней на юг. Говорят, из нее делают яд для королей. Пара капель в вино — и монарх умирает через месяц в страшных муках, а лекари только разводят руками. Красивая смерть для красивой легенды, не находишь?

— Зачем вы мне это рассказали? — спросила она, кутаясь в свой легкий плащ. Дождь начал набирать силу, барабана по натянутому над козлами брезенту.

Джек неопределенно пожал плечами, чувствуя ее тепло сквозь собственную куртку. — Скучно ехать молча. К тому же, ты сама напросилась. Теперь ты знаешь: если мы свернем к Змеиному каньону, нас не ждет встреча с благородным чудовищем. Нас ждет смерть, от которой нет спасения. Так что молись, чтобы твой лорд Эдгар оказался просто старым вонючкой, а не жрецом, ищущим источник «мертвой воды» для своих ритуалов.

Анастасия вздрогнула, но ничего не ответила. Она смотрела на серую пелену дождя, скрывшую горизонт.

Дорога становилась все хуже. Колеса вязли. Мышка тяжело дышала, пар вырывался из ее ноздрей густыми белыми облаками. — Дальше будет топь, — сказал Джек. — Скоро придется сворачивать на старую гать. Там трясина по колено. Если повезет, к ночи выберемся на сухой пригорок. Там есть охотничья заимка. Переждем ливень.

— А если не повезет? — тихо спросила Анастасия.

— Если не повезет, — Джек впервые за утро позволил себе улыбнуться, и улыбка эта была хищной, лишенной всякого тепла, — ты узнаешь, каково это — тонуть в грязи, когда над головой воет дракон, который спит в трех днях пути отсюда. Пристегнись к раме, госпожа казначейская дочь. Начинается настоящая дорога.

Он щелкнул вожжами, и Мышка, всхрапнув, шагнула в густеющую, чавкающую неизвестность. Дождь припустил вовсю, смывая следы Гримвуда с колес повозки, полной историй, запахов и двух беглецов, один из которых искал золото, а другая — смысл.

Впереди, сквозь стену воды, едва угадывались очертания гнилых бревен старой гати. Джек глубоко вдохнул влажный, пахнувший прелой листвой и озоном воздух. Он чувствовал тепло прижавшейся к нему девушки, тяжесть своего товара за спиной и привычную, успокаивающую тяжесть короткого клинка на поясе.

Путешествие начиналось именно так, как он любил — с хорошей истории, скверной погоды и ощущения, что за следующим поворотом может ждать что угодно. И Джек Торговец, подмигнув невидимому в дожде горизонту, направил повозку прямо в сердце надвигающейся бури.

Глава 2. Дорога в Валдорию

Охотничья заимка, о которой говорил Джек, оказалась гнилым срубом, вросшим в склон холма по самую крышу. Дождь к ночи превратился в настоящий потоп. Вода не просто лилась с неба — она стояла стеной, превращая тракт в бурную реку из грязи, палой листвы и дохлых мышей. Мышка, выбиваясь из сил, едва вытянула повозку на сухой пригорок, где фундамент сруба давал хоть какую-то опору.

Джек спрыгнул в ледяную жижу, провалившись по колено. Сапоги, пропитанные дорогим воском, сдались перед валдорийской грязью за первые десять минут. — Вылезай, — крикнул он, перекрывая шум ливня и откидывая мокрый полог повозки. — И вещи бери. Если оставишь хоть одну тряпку внутри, к утру она покроется черной плесенью, которая съест дерево.

Анастасия выбралась наружу, словно неоперившийся птенец. Ее дорожное платье, казавшееся практичным в сухой брусчатке Гримвуда, сейчас выглядело насмешкой. Темно-зеленый ворс потемнел от воды, став почти черным, подол облепили комья глины. Она дрожала, но не от холода — от первобытного, детского восторга перед разбушевавшейся стихией. — Мы умрем? — прокричала она, пытаясь перекрыть вой ветра. — Только если ты будешь стоять столбом! — рявкнул Джек. — За мной, быстро!

Он подтолкнул ее к низкому дверному проему заимки. Внутри пахло сыростью, застарелым дымом и мышами. Сквозь щели в рассохшихся бревнах сочилась вода, собираясь в черные лужи на утоптанном земляном полу. Но крыша держалась.

Джек сбросил с плеч промокший насквозь плащ. Под ним обнаружилась кожаная безрукавка, надетая поверх плотной льняной рубахи. Он двигался с экономной, хищной грацией человека, для которого непогода — лишь досадная помеха в расчетах. — Дрова в углу, — бросил он. — Сухие, я всегда оставляю запас. Разводи огонь. Если дым пойдет в глаза, а не в дыру в крыше — скажешь.

Сам он занялся Мышкой. Вывел ее из-под импровизированного навеса повозки, растер пучком соломы, накрыл собственной запасной попоной. Лошадь всхрапывала, выпуская клубы пара, и благодарно тыкалась мордой ему в плечо. — Ешь, старая, — Джек протянул ей торбу с овсом. — Завтра у тебя будет день отдыха. Зато ноги останутся целы.

Анастасия, следуя его указаниям, возилась с огнивом. Руки, привыкшие к тонким иглам для вышивания и перелистыванию пергаментов в библиотеке отца, плохо слушались. Кремень выскальзывал, искры летели мимо тута. — Да не так, — не выдержал Джек через десять минут ее бесплодных попыток. Он подошел, отодвинул ее плечом. — Бей от себя, а не на себя. И держи крепче. Ты боишься искр больше, чем того, что мы замерзнем насмерть.

Сухой мох, который он подложил, занялся с первой же искры. Анастасия смотрела на это маленькое оранжевое чудо так, словно Джек вызвал демона из преисподней. — Я никогда... — начала она. — Знаю, — отрезал Джек, подкладывая тонкие веточки. — Ты никогда не разводила костер, не спала на земле и не видела, как убивают человека. Это написано у тебя на лбу крупными буквами, госпожа беглянка.

Огонь разгорелся, потрескивая и пожирая сырую тьму. Он не давал много тепла — большая часть уходила в прореху кровли — но света было достаточно, чтобы разогнать тени по углам. Джек достал из специального водонепроницаемого ящика в повозке сверток с вяленой олениной и черствые хлебцы. Еда была жесткой, как подошва, но питательной. — Держи, — он протянул Анастасии кусок мяса. — Грызи. Это заменит тебе ужин и завтрак.

Девушка приняла еду двумя руками. Она не стала жеманиться, как ожидал Джек. Вцепилась зубами в жесткую полоску и начала рвать ее с неожиданным, почти волчьим аппетитом. Голод, который она сдерживала весь день, прорвался наружу. — Вкусно, — прошамкала она с

набитым ртом. — Конечно, — усмехнулся Джек, жуя свой кусок. — Три месяца в соли и год в дыму. Деликатес.

Они сидели на полу, привалившись спинами к разным стенам, разделенные пляшущим огнем. Джек достал свою флягу. В этот раз там плескалось не травяное пойло, а крепкая можжевельная настойка, купленная у контрабандистов на границе. — Глотни, — он протянул флягу. — Только один. Иначе тебя развезет, и ты начнешь пить. А мой слух этого не переживет.

Анастасия сделала глоток. Закашлялась, слезы брызнули из глаз, лицо стало пунцовым. — Дьявольское зелье! — выдохнула она. — Валдорийский джин, — поправил Джек, забирая флягу. — Пьют его рыцари, чтобы согреться перед утренним молебном. Чистит кровь и мысли.

Он сделал большой глоток, крикнул и закрыл глаза. Тепло от алкоголя начало медленно разливаться по венам, вступая в бой с промозглой сыростью заимки. — Почему ты сбежала? — спросил он вдруг. Голос его стал ниже, тяжелее. Дружеский тон торговца исчез, уступив место голосу человека, который слишком долго выживал, чтобы верить в сказки о несчастных невестах.

Анастасия перестала жевать. Она смотрела в огонь, и пляшущие тени делали ее лицо старше и серьезнее. — Вы не поверите, — тихо сказала она. — Попробуй. — Я не просто читала книги, Джек. Я их писала.

Джек открыл один глаз. Внимательно посмотрел на ее руки, на осанку, на то, как она строит фразы. — Казначейская дочь, которая пишет книги? — скептически протянул он. — О чем? О том, как правильно считать налоги на соль? — О Валдории, — ответила она. — О Светлых Рыцарях. О Кодексе Чести. О том, как магия Света очищает души.

Джек громко, раскатисто расхохотался. Смех эхом отразился от сырых бревен, вспугнув мышь в углу. — Девочка, — выдавил он сквозь смех, утирая выступившие слезы. — Ты сбежала из дома, чтобы попасть в собственную сказку? Валдория — это самое пафосное, самое лицемерное и самое вонючее место к западу от Хребта Дракона. Там пахнет не ладаном, а конским потом, несвежей кровью и политическим дерьмом.

— Вы лжете! — вспыхнула Анастасия. Она вскочила на колени, забыв про еду. — Я читала «Хроники Утренней Зари» магистра Элиана! Там описано, как сэр Гидеон в одиночку удерживал Перевал Тысячи Слез против армии демонов! Как его доспехи сияли так ярко, что враги ослепли!

— Сэр Гидеон обгадился от страха на второй день осады, — спокойно парировал Джек, делая еще один глоток. — А «сияющие доспехи» были покрыты слоем жира и грязи толщиной в палец, потому что их не снимали месяц. Демоны ослепли не от света. Они ослепли от вони, когда ветер подул в их сторону. Рыцари выиграли ту битву только потому, что у демонов началась массовая рвота и дизентерия. В хрониках об этом не пишут, девочка. В хрониках пишут то, за что платят золотом.

Анастасия смотрела на него с ужасом и обидой. Ее идеальный мир, сотканный из пергамента и чернил, трещал по швам, столкнувшись с запахом можжевельника и сырой кожи. — Зачем вы так говорите? — прошептала она. — Затем, что я там был, — отрезал Джек. — Я возил туда шелка для их дурацких турниров. Я видел, как эти «светлые» рыцари проигрывают в кости свои замки, а потом отыгрываются, вырезая деревни крестьян, которые не заплатили вовремя церковную десятину. Свет — это отличный маркетинг, Анастасия. Он хорошо продается дуракам. А теперь спи. Завтра мы пересечем границу. И ты увидишь все сама. Только не вздумай цитировать магистра Элиана страже на воротах. Они бросят тебя в яму быстрее, чем ты успеешь сказать «сияющий клинок».

Он допил остатки джина, завернулся в свой сухой, тяжелый плащ и отвернулся к стене. Через пять минут его дыхание стало ровным и глубоким. Он спал, как умеют спать только люди, привыкшие доверять свою жизнь случайным углам и собственной реакции.

Анастасия осталась сидеть у догорающего огня. Слова Джека жалили ее. Но чем больше она думала о его цинизме, тем сильнее становилось ее любопытство. Он знал. Он видел изнанку. И если снаружи все так... грязно, значит, внутри, под слоем лжи, должно быть что-то настоящее. Что-то, ради чего стоило написать книгу.

Сон не шел. Она смотрела на профиль торговца, на тонкий шрам, пересекающий его левую бровь, на то, как даже во сне его пальцы подрагивают рядом с рукоятью кинжала. Он был опасен. Но в этой опасности было больше честности, чем во всех улыбках придворных кавалеров ее отца.

Она подбросила в огонь последнюю ветку и, свернувшись калачиком на своем плаще, наконец уснула под мерный шум дождя.

Утро встретило их тишиной. Дождь ушел на восток, оставив после себя промытое до стеклянного блеска небо и запах свежести, который в Валдории казался неестественным. Грязь на тракте схватилась коркой, похожей на темный шоколад.

Джек поднялся до рассвета. Анастасия проснулась от запаха жареного сала. Торговец сидел у почти потухших углей, на которых аппетитно скворчал кусок солонины, нанизанный на прут. — Ешь, — кивнул он на мясо. — И умойся. У ручья, там, за ивами. И постарайся выглядеть чуть менее... беглой. До границы три часа пути. Я не хочу, чтобы нас остановили для проверки подорожных.

Анастасия кивнула. Она умылась ледяной водой, которая обожгла щеки и окончательно прогнала остатки сна. Попыталась расчесать волосы пальцами, но они сбились в колтун. Пришлось снова стянуть их лентой. Ее зеленое платье высохло, но покрылось белыми разводами соли и пятнами глины. Вид у нее был потрепанный, но глаза... глаза сияли ярче, чем вчера. Ожидание границы пьянило ее сильнее джина.

Повозка катилась легко. Мышка, отдохнувшая и накормленная, шла бодрой рысью. Дорога, теперь сухая, начала спускаться в широкую долину. И чем ниже они спускались, тем сильнее менялся пейзаж.

Леса Гримвуда были дикими, хаотичными, полными бурелома и мха. Здесь же природа словно прошла через руки педантичного садовника. Деревья стояли ровными рядами. Кроны дубов и ясеней были аккуратно подрезаны так, чтобы образовывать идеальный зеленый купол. Кусты вдоль дороги были выстрижены в форме геометрических фигур. Даже трава на обочинах казалась подстриженной ножницами.

— Они что, бреют траву? — не выдержала Анастасия, нарушая утреннюю тишину. — Они ее дисциплинируют, — буркнул Джек, не отрывая взгляда от дороги. — В Валдории всему нужен порядок. Дереву — форма, человеку — устав, мысли — молитва. Шаг влево, шаг вправо — ересь.

Вскоре они нагнали колонну. Впереди ехали всадники. Анастасия прищурилась, и ее дыхание перехватило. Это были они. Светлые Рыцари.

Их кони — огромные, белоснежные дестриэ — ступали так плавно и синхронно, словно были частями одного механизма. Но не лошади приковали взгляд девушки. Это были всадники. С ног до головы закованные в полированную сталь. Доспехи не имели ни единого стыка, ни единой царапины. Они сияли в утреннем солнце так, что было больно глазам. На груди каждого рыцаря был выгравирован символ — раскрытая ладонь, из центра которой исходили лучи.

— Орден Раскрытой Длани, — тихо пояснил Джек, придерживая Мышку, чтобы пропустить колонну. — Личная гвардия Верховного Протектора. Самые фанатичные ублюдки на континенте.

Рыцари двигались молча. Слышался только мерный хруст суставов их тяжелых коней и звон идеальной стали. Ни один не повернул головы в сторону торгового каравана. Их лица были

скрыты глухими шлемами с Т-образными прорезями, но Анастасия чувствовала их взгляды — холодные, оценивающие, сканирующие.

Когда последний рыцарь проехал, Анастасия еще долго смотрела им вслед. — Они... они прекрасны, — выдохнула она. — Как статуи богов. — Они тяжелы, как статуи, — отозвался Джек. — И мозгов у них столько же. Попробуй сказать такому «нет», когда он потребует твою дочь в услужение Храму. Статуя просто наступит на тебя и пойдет дальше. Белое пятно на сапоге — вот и весь след от твоей жизни.

Дорога сделала плавный поворот, и они увидели ее. Границу.

Это не был деревянный частокол или каменный форт. Валдория встречала гостей Аркой Единства. Сорок футов чистого белого мрамора, дуга которого, казалось, бросала вызов законам гравитации. Она не касалась земли, опираясь на два тонких пилона, украшенных барельефами, изображающими победу Света над Тьмой. Барельефы были выполнены с пугающим реализмом: демоны корчились в муках, их кожа лопалась, а из ран лился золотой свет.

У подножия Арки, по обе стороны тракта, стояли караульные башни. Тоже из белого камня. Идеально чистые.

Джек остановил повозку. — Сиди здесь, — приказал он. — И молчи. Говорить буду я. Твой акцент выдает в тебе северянку, а северян здесь не любят. Считают дикарями и еретиками.

Он прыгнул на землю, одернул куртку, поправил пояс с товарными грамотами и пошел к башне. Его походка изменилась. Исчезла расслабленность торговца. Теперь это был уверенный, слегка небрежный шаг человека, который знает себе цену и имеет связи в нужных кругах.

Анастасия осталась одна. Она смотрела на Арку. Вблизи мрамор не казался таким уж чистым. У основания она заметила тонкие, едва заметные трещины. А на золотом барельефе, в складках одежды одного из ангелов, виднелось темное пятно. Птичий помет. Даже в Валдории птицы игнорировали законы чистоты.

Из башни вышли двое. Стражники. Их доспехи тоже были белыми, но не сияющими, как у рыцарей, а матовыми, практичными. Поверх кольчуг были надеты сюрко из плотной белой ткани с тем же символом — Раскрытой Дланью. На поясах висели длинные прямые мечи.

Один из них подошел к повозке. Второй остался стоять у башни, положив руку на эфес. Поза идеального солдата.

Стражник, подошедший к Анастасии, был молод, не старше двадцати пяти лет. У него было открытое, приятное лицо, румянец во всю щеку и светлые, почти белые брови. Но его глаза... Глаза были цвета выцветшего на солнце льна. Пустые. — Транспорт? — спросил он. Голос был вежливым, но лишенным всякого тепла.

Анастасия открыла рот, чтобы ответить, но вовремя вспомнила наказ Джека. Она просто молча кивнула, стараясь выглядеть как можно более незначительной.

Стражник обошел повозку. Его взгляд скользил по тюкам, по бочкам, по ящикам. Он не искал контрабанду в привычном смысле. Он искал несоответствие. Диссонанс. — Что везете? — спросил он, остановившись у заднего борта. — Пряности, шерсть, выделанные кожи, — ответил за нее Джек, возвращаясь от башни. В руках он держал глиняную кружку с каким-то напитком, который ему, видимо, предложили внутри. — Еду на ярмарку в Валдор-Прайм. Контракт с гильдией ткачей.

Стражник перевел взгляд на Джека. — Ваши бумаги, мастер.

Джек протянул свиток с сургучными печатями. Стражник не стал его разворачивать. Он просто посмотрел на оттиск печати, потом на лицо Джека, потом снова на печать. — Десять лет возите шерсть по этому тракту? — спросил он. — Двенадцать, — спокойно ответил Джек. — И ни разу не везли «мертвую воду»? — стражник улыбнулся. Улыбка была такой же вежливой и пустой, как его глаза. — Или корни «поцелуя демона»? Запрещенный провоз магических

реагентов карается изъятием товара и правой руки. — Я торговец, а не самоубийца, — ровно сказал Джек. — Магия — это для храмов. Я верю в честный вес и хорошую цену.

Стражник кивнул, словно именно этого ответа и ждал. Он подошел к Анастасии. — А это? — он указал на нее подбородком. — Груз? — Племянница, — не моргнув глазом, солгал Джек. — Сестра померла от лихорадки в прошлом году. Беру с собой, чтобы пристроить в услужение при монастыре в столице. Девка здоровая, но глупая. Только и умеет, что полы мыть.

Стражник внимательно посмотрел на Анастасию. Его льдистый взгляд прошелся по ее лицу, по рукам, по платью. — У племянницы руки не полемойки, — заметил он. — Мозоли отсутствуют. И осанка... слишком прямая для служанки. И платье. Это валдорийский покрой, только ткань изношена. Дорогая вещь.

Сердце Анастасии ухнуло куда-то в живот. Джек мысленно проклял ее аристократические привычки. — Это платье ее матери, — мгновенно нашелся Джек. — Единственная память. А осанка... — он хмыкнул. — Это у нее от природы дурное. Вечно нос задирает. Думает, раз умеет читать, то уже королева. Потому и отдаю в монастырь. Пусть смирение на коленях поищет.

Стражник еще несколько секунд смотрел на девушку. Анастасия заставила себя опустить плечи, ссутулиться и уставиться в грязь под ногами. Она даже попыталась изобразить дебиловатую улыбку, но, судя по едва заметно дрогнувшей щеке стражника, получилось что-то среднее между испугом и нервным тиком. — Смирение — добродетель, — изрек стражник. — Передайте это сестре-настоятельнице. Проезжайте.

Он отступил в сторону. Второй стражник у башни даже не шелохнулся, превратившись в золотой памятник самому себе.

Джек молча забрался на козлы. Анастасия юркнула на свое место, стараясь занимать как можно меньше пространства. — Я думала, он... — начала она, как только повозка миновала Арку и въехала на идеально ровную, мощеную белым камнем дорогу. — Он искал беглецов, — перебил Джек. — У них ориентировка. Ищут какую-то важную птицу с севера. Ты чуть не попала на осанке. Кто тебя учил держать спину, как копье? Крестьянки так не ходят. — Гувернантка, — тихо ответила Анастасия. — Десять лет. Палка и молитвы.

Они ехали по Валдории. И чем дальше они уходили от границы, тем более нереальным становился мир вокруг.

Дорога была абсолютно прямой. Она стрелой пронзала холмы. Если на пути встречался овраг, через него был переброшен каменный мост идеальной арочной формы. Если была роща — деревья в ней росли по линейке. Ни одного кривого ствола, ни одной лишней ветки. Лес превратился в парк.

Вдоль дороги стояли каменные верстовые столбы, выбеленные известью. На каждом — табличка с цитатой из Кодекса Света. *«Чистота снаружи рождает чистоту внутри»*. *«Порядок в мыслях — порядок в государстве»*. *«Сомнение — первый шаг к Тьме»*.

Анастасия крутила головой, как филин. Она то и дело забывала, что должна изображать глупую племянницу, и выпрямлялась, глядя на очередное чудо. — Смотрите! — вдруг воскликнула она, указывая вперед. — Джек, смотрите!

Впереди, на вершине пологого холма, стоял город. Валдор-Прайм. Но даже издалека он не выглядел как скопление домов. Он выглядел как единый кристалл. Белые стены, белые шпили, белые крыши. Город не отражал солнце — он сам его излучал. Это было ослепительное, режущее глаза сияние. — Белоснежный город, — прошептала Анастасия. — Он точно такой, как в «Хрониках»... — Он точно такой, как в казне твоего отца, — фыркнул Джек. — Знаешь, сколько стоит содержать камень в такой чистоте? В Гримвуде стены черны от копоти, и это экономит городу тысячи золотых в год на побелке. Здесь же каждую неделю сгоняют каторжников с мылом и щетками. Чистота, купленная на костях. Добро пожаловать в рай, девочка.

Его сарказм отскакивал от нее, как стрелы от стали. Она была пьяна этим видом. Она видела не каторжников с мылом. Она видела воплощенную мечту.

Но Джек становился все мрачнее. Он плотнее натянул капюшон, скрывая лицо в тени. Его рука постоянно лежала на рукояти кинжала. Он правил Мышкой, направляя ее к северным воротам — там, по его словам, стража менее фанатична, больше занята сбором пошлин и меньше смотрит в лица.

Они подъехали к внешней стене. Она была высотой в пятьдесят футов. Гладкая, без единой бойницы, она давила своей монументальностью. — Остановитесь! — раздался окрик.

На этот раз стражников было шестеро. И у двоих в руках были не мечи, а странные устройства — полированные металлические трубы на деревянных ложах, с линзами на концах.

Джек натянул вожжи. — Мастер Джек? — вперед вышел старший стражник, судя по количеству серебряных блях на его плече. — Давно не виделись.

Джек расслабился, но лишь на долю секунды. Он узнал стражника. — Руперт. — Джек прыгнул на землю. — Решил сменить алебарду на трубу? — Времена меняются, Джек, — Руперт улыбнулся, но улыбка не коснулась его глаз. — Теперь мы смотрим за порядком издалека. Эти штуки называются «Глаза Протектора». Видят тепло на расстоянии мили. Очень полезно для поиска еретиков в ночной траве.

— Я везу шерсть и корицу, — сказал Джек. — Не думаю, что они сильно греются. — Мы знаем, что ты везешь, Джек, — Руперт подошел к повозке. — Ты честный торговец. Но закон есть закон. Открывай.

Джек не спорил. Он молча отодвинул задний борт. Начал показывать тюки. Руперт лениво тыкал в них коротким жезлом. Когда очередь дошла до сундука со специями, жезл в руках стражника едва заметно нагрелся. — Что здесь? — спросил Руперт. — Черный перец. Корень мандрагоры сушеный. Немного «слез гор» для аптекарей, — быстро ответил Джек. — Все пошлины уплачены. Вот квит...

Руперт поднял руку, останавливая его. Он принялся. — «Слез гор» пахнут иначе, Джек. Это... — он прищурился, глядя на сундук. — Это «Прах Теневого Паука». Категория «А». Полный запрет. Используется в некромантии.

Джек побледнел. Это была подстава. Чистая, профессиональная подстава. Кто-то бросил это в его повозку, пока они спали на заимке. Или... Джек бросил быстрый взгляд на Анастасию. Она сидела на козлах, вцепившись в борт. Ее глаза были круглыми от ужаса, но... Джек заметил, как едва заметно дрогнул уголок ее губ. Не улыбка. Предвкушение.

— Я не знаю, как это там оказалось, — ровным голосом сказал Джек. — Руперт, ты меня десять лет знаешь. Я не вожу мертвечину. — Я знаю твой товар, Джек, — кивнул стражник. — Но я не знаю твою «племянницу».

Он перевел взгляд на Анастасию. Та съежилась под его взглядом, пытаясь стать невидимой. — Встань, — приказал Руперт.

Анастасия медленно, неуклюже сползла с козел. Ее ноги в грязных сапожках коснулись белого камня площади. — Руки вперед, — скомандовал стражник.

Она протянула дрожащие руки. Руперт взял ее правую ладонь, перевернул. Посмотрел на подушечки пальцев. Затем достал из поясной сумки шелковый платок и аккуратно провел им по ее ногтям. — Странно, — сказал он, рассматривая платок. — Глина и грязь. А под ними... — он поднес платок к носу. — Пыльца черного лотоса. Растет только в закрытых садах Верховного Протектора. Используется для изготовления чернил, которые видны только посвященным.

Он посмотрел на Джека. Взгляд Руперта больше не был пустым. В нем горел холодный огонь профессионала, взявшего след. — Интересная племянница, Джек. У нее руки полевой мыши, а под грязью — пыльца из сада главного мага Валдории. И осанка... — он обошел

девушку кругом. — Ты говорил, она умеет мыть полы. Но позвоночник не знает, что такое коромысло. Он знает, что такое долгие часы за столом. И колени. Посмотри на ее колени, Джек.

Джек посмотрел. Колени девушки были стерты, но мозоли были жесткими, старыми. Такими бывают у тех, кто много времени проводит, стоя на коленях не на камне, а на мягкой подушке для молитвы. В очень дорогих храмах.

— Она не племянница, — констатировал Руперт. — И ты, старый лис, это знал с самого начала. Ты просто везешь ее. Вопрос — куда? И зачем?

Джек молчал. Ситуация была хуже некуда. «Прах Теневого Паука» в сундуке гарантировал ему допрос с пристрастием и потерю всех товаров. А «племянница» с пылью из сада Протектора пахла государственной изменой.

— Я просто торговец, — повторил Джек старую мантру. — Я везу... — Ты везешь неприятности, — перебил Руперт. — Взять их.

Двое стражников с «Глазами Протектора» шагнули вперед. Их лица были скрыты шлемами, но в прорезях плескалась готовность к насилию.

И тут Анастасия сделала то, чего Джек никак не ожидал. Она не закричала. Не упала в обморок. Она посмотрела прямо в глаза Руперту. Ее страх исчез. Лицо стало пугающе спокойным, почти высокомерным. Она выпрямилась во весь рост, и сутулость, которую она так старательно изображала, испарилась. Грязное платье вдруг показалось не тряпьем, а мантией. — Отставить, — сказала она. Голос ее изменился. Исчезла девичья звонкость. Появились стальные, властные нотки, которым позавидовал бы любой генерал. — Я сама.

Стражники замерли. Руперт нахмурился. — Что ты сказала?

Анастасия медленно, с пугающим достоинством, подняла правую руку. Она сложила пальцы в странный знак — кольцо из большого и указательного, а остальные три пальца растопырила, словно лучи. — Я — Рука, — произнесла она. — Откройте глаза.

Она щелкнула пальцами.

Это не был громкий звук. Это был сухой, резкий хлопок, похожий на удар хлыста. Но звук этот не ушел в воздух. Он вошел в головы стражников.

Те двое, что стояли с «Глазами Протектора», одновременно, как марионетки с обрезанными нитями, рухнули на колени. «Глаза» выпали из их рук. Они схватились за шлемы и начали выть — тихо, монотонно, раскачиваясь из стороны в сторону. Из-под их век потекла кровь.

Руперт отшатнулся, хватаясь за меч. Но его рука замерла на полпути. Он смотрел на Анастасию, и его льдистый взгляд впервые в жизни потерял свою пустоту. В нем отразился чистый, незамутненный ужас. — Невозможно, — прошептал он. — Ты... ты не инициирована. Тебя нет в реестрах...

— Реестры горят, — ответила Анастасия. Она сделала шаг к нему. Джек стоял столбом, не в силах пошевелиться. Его мозг отказывался верить в происходящее. Девчонка, которая вчера не могла развести огонь, сейчас ломала волю вооруженных мужчин одним щелчком. — А теперь отойди от повозки, Руперт. И прикажи своим людям опустить оружие. Иначе я выжгу ту часть твоего мозга, что отвечает за память. Ты забудешь, как дышать.

Руперт побледнел. Он медленно, не сводя с нее глаз, поднял руку и махнул оставшимся стражникам. Те нехотя опустили алебарды.

Анастасия повернулась к Джеку. Ужас в ее взгляде, который Джек видел секунду назад, исчез. Теперь там была только бесконечная, смертельная усталость. — Сундук, — сказала она. — Открой.

Джек, двигаясь как во сне, подошел к сундуку со специями. Откинул тяжелую крышку. Среди мешочков с перцем и корнем мандрагоры лежал небольшой кожаный мешочек, которого там не было. Из него просыпалась серая, пепельная пыль.

Анастасия подошла, двумя пальцами взяла мешок за завязки. Поднесла к лицу Джека. — Это то, что они называют Тьмой, Джек, — тихо сказала она. — То, с чем борются их Светлые Рыцари. То, чего они боятся до мокрых доспехов.

Она разжала пальцы. Мешок упал обратно в сундук. — А теперь поехали, — сказала она. — У меня болит голова. И я очень хочу есть. Только на этот раз давайте остановимся в таверне, где подают горячее. Я устала спать на полу.

Она развернулась и, не глядя больше на остолбеневшую стражу, пошла к повозке. Забралась на козлы и села, расправив плечи. Грязное платье сидело на ней как королевская мантия.

Джек смотрел на нее несколько долгих секунд. На Руперта, который все еще стоял с открытым ртом. На воющих стражников с окровавленными лицами. Затем он медленно, очень медленно закрыл крышку сундука. Запер ее на тяжелый медный замок. Подошел к козлам и взял в руки вожжи. Его руки слегка дрожали. — Горячее, значит, — хрипло повторил он, глядя прямо перед собой. — Валдор-Прайм, говоришь? Белоснежный город? — Именно, — кивнула Анастасия, глядя на сияющие шпили столицы. — Поехали, Джек. У меня к магистру Элиану накопилось очень много вопросов. Я собираюсь переписать его «Хроники». С самых основ.

Джек щелкнул вожжами. Мышка, чувствуя напряжение хозяина, пошла тяжелым, неспешным шагом, пересекая площадь перед северными воротами Валдор-Прайма.

Торговец, возивший шерсть и пряности, вез теперь совсем другой груз. Он вез тайну, способную сжечь этот белоснежный город дотла. И он понимал, что цена за проезд по этой дороге будет куда выше, чем любая пошлина за корицу. Он посмотрел на свою спутницу. Девчонка, сбежавшая от старого жениха, оказалась волком в овечьей шкуре. И Джек, к своему собственному ужасу, поймал себя на мысли, что ему это безумно интересно.

Глава 3. Турнир Трех Щитов

Валдор-Прайм не шумел. Города Гримвуда, которые Джек знал, всегда гудели, как встревоженные улы: кричали торговцы, лаяли собаки, переругивались соседи, плакали дети. Столица Валдории звучала иначе. Это был хор из тысячи приглушенных шагов по брусчатке, шелеста шелковых знамен на ветру и мерного, ритмичного звона колоколов на Белой Башне Протектора.

Даже грязь здесь казалась упорядоченной. Она не хлюпала под ногами, а лежала аккуратными, подсохшими лепешками, которые дворники в серых робах сметали в специальные желоба. Запахи города тоже были отсортированы: квартал ювелиров пах озоном и раскаленным металлом, квартал пекарей — корицей и сдобой, а квартал писцов — пыльным пергаментом и железистыми чернилами. Запаха нищеты, немытых тел и выгребных ям, неизбежного спутника любого мегаполиса, не было вовсе. Либо канализация работала безупречно, либо неугодных просто вывозили за стену до того, как они успевали начать пахнуть.

Джек остановил повозку на постоялом дворе «Золотой Герб». Это было заведение средней руки — достаточно чистое, чтобы не подцепить лихорадку, и достаточно шумное, чтобы пара новых лиц не привлекала внимания. — Сиди здесь, — бросил он Анастасии, закрепляя поводья. — Не выходи. Не смотри в окна слишком жадно. И если к тебе пристанет какой-нибудь местный щеголь, скажи, что твой «дядя» торгует чесночным маслом в промышленных масштабах. Обычно помогает.

Анастасия, все еще бледная после утренней демонстрации силы на воротах, лишь молча кивнула. Она куталась в плащ Джека, который он накинул ей на плечи. Дорогая шерсть скрывала ее грязное платье, но не могла скрыть осанку. Она сидела на козлах, как герцогиня на троне, и это выделяло ее в толпе сильнее, чем если бы она шла голой.

Джек ушел договариваться о комнатах и продаже части товара. Вернулся он через час, хмурый и озадаченный. — Шерсть ушла за бесценок, — доложил он, забираясь на козлы. — Гильдия ткачей сегодня не покупает. У них праздник. Весь город стоит на ушах из-за Турнира Трех Щитов. — Турнир? — в глазах Анастасии вспыхнул огонек. — В честь чего? — В честь того, что Верховный Протектор благополучно почесал задницу, не уронив скипетр, — съязвил Джек. — Официально — годовщина основания Ордена. Неофициально — повод для знати поубивать друг друга легальным способом, а для казны — собрать золото с простаков. Ставки бешеные.

Он щелкнул вожжами, направляя Мышку в сторону центра города. Чем ближе они подъезжали к Белой Башне, тем плотнее становилась толпа. Люди стояли на балконах, висели на деревьях, забрались на крыши. — Что это? — Анастасия вытянула шею, указывая на процессию, движущуюся по главной улице.

Впереди шли герольды в алых табардах, трубя в длинные фанфары, украшенные золотой чеканкой. За ними ехали знаменосцы. Флаги были тяжелыми, бархатными, каждый — произведение искусства. Анастасия прищурилась, вглядываясь в цвета и символы. — Золотой грифон на черном поле... Это дом де Веров. А рядом... алая роза, пронзенная серебряным мечом. Лорды Кроули. Они же враждуют со времен Раскола. — Здесь они вежливо улыбаются друг другу, — пояснил Джек. — Турнир — это единственное место, где им разрешено не плевать соседу в суп. По правилам Валдории, конечно.

Дорога вывела их на огромную площадь перед Ареной Чести. Сама Арена была колоссальным сооружением из того же слепяще-белого камня, что и весь город. Она напоминала перевернутую чашу, способную вместить, по прикидкам Джека, тысяч пятьдесят зрителей. На противоположной стороне площади возвышался королевский павильон — ажурная конструк-

ция из белого дерева и шелка, охраняемая десятком Рыцарей Раскрытой Длани в полном боевом облачении.

— Мы здесь не пройдем, — решил Джек, видя, что толпа вот-вот зажмет колеса. — Сворачиваем в переулок. Оставим Мышку в конюшне у западной стены и пойдем пешком. Я хочу посмотреть на их доспехи вблизи. Говорят, их кует единственный мастер на континенте, и берет он золотом по весу рыцаря.

Они оставили повозку в темном, пахнущем кислым вином и лошадьми дворе таверны «Слепой лев». Джек накинул капюшон. Анастасия последовала его примеру, но капюшон постоянно спадал с ее густых волос. — Иди за мной и не отставай, — приказал Джек, беря ее за локоть. Его хватка была жесткой, почти болезненной. — В толпе режут кошельки так же быстро, как и глотки.

Они влились в людской поток. Площадь гудела. Воздух был наэлектризован ожиданием. Продавцы сладкой ваты и жареных орехов надрывали глотки. Шарманщики крутили заунывные мелодии. — Смотри, — Джек кивнул в сторону тренировочного поля, отгороженного от зрителей шелковыми канатами.

Там, на утоптанном песке, разминались оруженосцы. Но главными фигурами были, конечно, рыцари. Даже вне турнирных списков, они носили свои цвета. Анастасия замерла, глядя на группу воинов у наковальни. Один из них, огромный, как медведь, в доспехах цвета воронова крыла, бил тяжелым молотом по раскаленному металлу. Искры летели золотым дождем. — Это сэр Кейн, — прошептала Анастасия, не отрывая глаз. — Черный Бык. Я читала о нем. Он никогда не снимает шлем, потому что... — Потому что половина его лица сгорела в битве при Красных Холмах, — закончил за нее Джек. — А вторую половину ему отгрызли псы лорда Эдмунда. Он выглядит как герой баллады, девочка, но пахнет от него паленой плотью и дешевым элем. Не очаровывайся.

Они протолкались к краю арены, где стояли самые дешевые скамьи — простые деревянные настилы без спинок. — Я принесу эля, — сказал Джек. — Жди здесь. И ради всех богов, не вступай в теологические споры с соседями о природе Света.

Он растворился в толпе. Анастасия осталась одна. Впервые за долгое время она была предоставлена сама себе. Она вдохнула полной грудью. Пахло пылью, конским навозом, мужским потом и железом. Это был запах настоящей жизни, запах истории, которую она так хотела потрогать руками.

Ее взгляд снова приковали знамена. Она скользила глазами по рядам, читая их, как открытую книгу. Вон там, под навесом из синего бархата, сидит делегация с Островов. На их штандарте — белый альбатрос. Древний род, их кровь не разбавлялась со времен Исхода. А чуть правее, у самого ристалища, расположились люди в багровых одеждах. Их герб — сжатый кулак на фоне солнца. Орден Чистоты. Инквизиторы. Анастасия почувствовала, как по спине пробежал холодок. Она знала этот символ. В книгах магистра Элиана они назывались «Мечами Справедливости». Но Анастасия, благодаря своему тайному образованию, знала их истинное имя — «Псы Догмы». Они искали таких, как она.

Она так увлеклась изучением геральдики, что не заметила, как рядом с ней освободилось место на скамье. На него тут же плюхнулся толстый лавочник в засаленном жилете, распространяя вокруг себя запах жареного лука. — Во девка! — выдохнул он, отирая пот со лба. — Пришла одна, без мужика? Смелая. Или ищешь кого? — Я жду своего дядю, — механически ответила Анастасия заготовленной фразой. — Он торговец. — Торговец, значит, — лавочник придвинулся ближе, обдавая ее чесночным перегаром. — А дядя-то знает, что его племянница пялится на ноги сэра Гарета? Видела, какие икры? Как у племенного быка! Говорят, он однажды голыми руками разорвал пасть троллю в Северных топах.

Анастасия посмотрела на ноги сэра Гарета. Рыцарь как раз проезжал мимо на белом жеребце. Икры у него действительно были впечатляющими, туго обтянутыми белыми шоссами.

Но взгляд девушки скользнул выше. На бедре рыцаря, в специальных ножнах, висел турнирный меч. И рукоять его была обмотана кожей не просто так. Анастасия прищурилась. Узор на коже... он показался ей знакомым.

— Это не кожа скального вепря, — тихо, скорее для себя, чем для лавочника, произнесла она. — А? — не понял тот. — Обмотка, — Анастасия кивнула на меч. — Это кожа глубоко-водной мурены. Ее добывают только в заливе Мертвых Кораблей. Она меняет цвет в зависимости от угла падения света. Сэр Гарет никогда не был на Севере. Его родовые земли — на юге, в болотах. А меч... меч он заказывал у мастера из Свободных Портов.

Лавочник моргнул, переваривая информацию. Анастасия тем временем перевела взгляд на щит рыцаря, прислоненный к седлу. — И щит, — продолжила она тем же ровным, лекторским тоном. — Геральдическая лилия на нем изображена с пятью лепестками. Согласно Кодексу Валдории, принятому после Войны Двух Роз, пять лепестков имеет право носить только старший сын рода. У сэра Гарета два старших брата. Он третий. Он либо самозванец, либо... — она сделала паузу, — либо его герольд — идиот, которого нужно повесить за профнепригодность.

Лавочник отодвинулся от нее, перекрестившись. Сумасшедшая. Точно сумасшедшая.

В этот момент вернулся Джек. В руках он держал две кружки с пенным элем и завернутый в холстину кусок жареного мяса. — О чем воркуем? — спросил он, протягивая Анастасии кружку. — Твой сэр Гарет — самозванец, — ответила девушка, принимая эль, но даже не пригубив. — И у него плохой герольд.

Джек проследил за ее взглядом. Рыцарь Гарет как раз ссадил коня и, сияя улыбкой, раздавал автографы — то есть, царапал свое имя на дощечках восторженных крестьян. — Ты это определила по икроножным мышцам? — усмехнулся Джек, откусывая мясо. — По рукояти меча и Кодексу сорок второго года, — парировала Анастасия. — Джек, ты хоть понимаешь, где мы? Это не просто турнир. Это выставка лицемерия.

Джек перестал жевать. Он внимательно посмотрел на нее. В тени капюшона ее лицо казалось старше, резче. Исчезла маска испуганной девочки. Перед ним сидел аналитик. — Выкладывай, — коротко бросил он. — Все эти рыцари, — Анастасия обвела рукой арену, — они не герои. Сэр Гарет купил свой титул. Сэр Кейн — «Черный Бык» — он действительно страшен в бою, но его спонсирует Торговая Гильдия. Они используют его как пугало для конкурентов. А вон тот, в золотых латах... — она указала на ослепительно сияющего рыцаря в первом ряду. — Сэр Аларик. «Золотая Смерть». — Наследник Западных Марок, — кивнул Джек. — Самый богатый человек после Протектора. — Он банкрот, — отрезала Анастасия. — Его земли истощены. Золото на его доспехах — это сусальное покрытие на меди. Я вижу стыки. Он участвует в турнире, чтобы впечатлить банкиров из-за моря и получить заем. Если он проиграет в первом круге, его дом падет.

Джек молчал, медленно потягивая эль. Информация, которую она выдавала, была... специфической. Это не были знания уличной девчонки или даже начитанной аристократки. Это было знание системы. Понимание того, как крутятся шестеренки власти. — Кто твой отец? — вдруг спросил он. — Только не говори, что казначей.

Анастасия вздрогнула. Она плотнее запахнула плащ. — Какая разница? — ее голос снова стал тихим и надломленным. — Он хотел выдать меня за лорда Эдгара. Ты был прав, Джек. Он старый. У него пахнет изо рта. Но дело не в этом. — А в чем? — Джек допил эль и поставил кружку на скамью. — В том, что я — вещь, — она посмотрела ему прямо в глаза. В ее взгляде плескалась застарелая боль. — Красивая, дорогая, обученная вещьца. Меня растили как племенную кобылу. Десять лет этикета. Десять лет геральдики. Десять лет истории Валдории. Я должна была стать идеальной женой для политического союза. Я должна была улыбаться, рожать наследников и молчать, пока мужчины решают судьбу мира.

Она горько усмехнулась. — Я сбежала не потому, что Эдгар воняет. Я сбежала, потому что в день моего шестнадцатилетия он пришел в нашу библиотеку. Я читала «Трактат о фортификации». Он вырвал книгу у меня из рук и сказал: «Женщинам не нужно знать, как строятся стены, девочка. Твое дело — знать, как раздвигать ноги».

Анастасия сделала большой глоток эля, поморщилась, но продолжила: — А потом он... он положил руку мне на колено. И улыбнулся той же улыбкой, которой улыбался моему отцу, подписывая брачный контракт. Я поняла, что если останусь, то стану такой же, как они. Как эти рыцари на арене. Набором доспехов, внутри которых пустота и гниль. Я хочу видеть мир настоящим. Со всей его грязью, потом и кровью.

Она замолчала. Над ареной прогремел гонг. Началось представление. На песок выехал герольд в сопровождении трубачей. — Слушайте! Слушайте! — закричал он, и его голос, усиленный магией, разнесся над всем полем. — По воле Верховного Протектора и во славу Света! Открывается Турнир Трех Щитов! Сегодня прольется кровь, но не во имя войны, а во имя чести! Пусть победит достойнейший!

Толпа взревела. Анастасия вздрогнула от этого звука, но ее глаза горели лихорадочным огнем. — Три Щита? — переспросила она, перекрикивая шум. — Формат турнира, — пояснил Джек, тоже глядя на арену. — Бойцы делятся на три лиги. Первый щит — пеший бой на деревянных дубинах. Для оруженосцев и мелкопоместных дворян. Кровь будет, но зубы останутся целы. Второй щит — конный турнир с затупленными копьями. Классика. Ломаные шеи и выбитые плечи. Третий щит — финал. Бой сталь на сталь. До первой крови... или до смерти, если противники договорятся. Такое бывает редко, но метко. Обычно, когда кто-то хочет свести старые счета.

На песок выехали первые участники. Десять пар. Они встали друг напротив друга. Оруженосцы подали им деревянные молоты, обмотанные кожей, и круглые щиты. — Выбирай, за кого будем болеть, — усмехнулся Джек. — Только не за Гарета. Он упадет от первого чиха.

Анастасия не ответила. Она смотрела на рыцаря в потускневших, старых латах. На его щите была изображена не пышная роза и не золотой лев. Там была простая, потертая от времени кирка на синем фоне. — Кто это? — спросила она. — Сэр Борин, — прищурился Джек. — «Камнелом». Барон из Медных Гор. Старый, как горы его предков. Говорят, он пьет расплавленный свинец на завтрак, чтобы прочистить кишки. Дерется грязно. Не признает красивых стоек. Если он попадет молотом — неважно, деревянным или стальным — ты проснешься уже в следующей жизни. — Я выбираю его, — твердо сказала Анастасия.

Джек удивленно поднял бровь. — Почему? Он же развалится на третьей минуте. У него одышка. — Потому что его герб — кирка, — ответила девушка. — Медные Горы — это не просто название. Его предки сами рубили камень для первых стен Валдории. Посмотри на его руки, Джек.

Барон Камнелом снял латную перчатку, чтобы поплевать на ладони. Его руки были размером с лопаты. Пальцы были скрючены, ногти стерты в мясо, а ладони представляли собой сплошной мозоль. Это были руки рабочего, а не потомственного воина. — Он не играет в рыцаря, — прошептала Анастасия. — Он и есть рыцарь.

Гонг ударил снова. Бой начался. Сэр Гарет, сияя улыбкой, бросился на своего противника — молодого, но тяжелого северянина. Гарет сделал красивый, широкий замах молотом. Северянин даже не шелохнулся. Он просто шагнул в сторону, пропустив удар мимо себя, и ткнул Гарета тупым концом молота под ребра. «Золотая молодежь» рухнула на песок, хватая ртом воздух, как выброшенная на берег рыба. Толпа засвистела. — Слишком много шелка в детстве, — прокомментировал Джек. — Центр тяжести не чувствует.

Тем временем в другом конце арены сэр Борин сошелся с рыцарем из Ордена Чистоты. Чистюля дрался красиво. Он танцевал, кружил, выписывал молотом восьмерки. Песок летел из-под его сапог. Борин стоял на месте. Он просто выставил щит и ждал. Когда Чистюля совер-

шил очередной пируэт, раскрывшись, старый барон сделал один-единственный шаг. Не быстрый, не резкий. Просто шаг. И ударил.

Удар не был направлен в голову или грудь. Он пришелся точно в левое колено противника. Раздался тошнотворный хруст дерева и кости. Рыцарь Чистоты упал на песок, крича и держась за раздробленную ногу. — Грязно, — поморщился Джек. — Но эффективно. — Это не грязь, — возразила Анастасия. — Это опыт шахтера. Он знает, что если обрушить опору, рухнет вся шахта.

Барон Борин даже не посмотрел на поверженного врага. Он тяжело оперся на свой молот, тяжело дыша, и сплюнул на песок кровью. Старые легкие не справлялись с нагрузкой. Но он стоял. Он был в круге.

Анастасия вцепилась в руку Джека. Ее ногти впились в его кожу. — Он победит, — прошептала она. — Я знаю.

Первый круг закончился через час. Песок арены потемнел от пота и пыли. Половина участников выбыла с вывихами и ушибами. Сэр Борин, шатаясь, вышел в финал своей подгруппы. Толпа начала требовать перерыва. На песок снова выехал главный герольд. — Почтенные господа! — воззвал он. — Пока лекари уносят раненых, Верховный Протектор рад приветствовать вас! Но Свет не стоит на месте! Мы живем в эпоху чудес! И сегодня, в честь праздника, Арену Чести почтит своим присутствием легенда!

Джек напрягся. Анастасия почувствовала, как окаменело его плечо. — Какая еще легенда? — спросила она. — Сейчас увидишь, — процедил Джек сквозь зубы. — Держись ближе к выходу. Если начнется давка, прыгай под скамьи.

На арену выехал всадник. Один. Он ехал медленно, и толпа стихала при его приближении, словно вода, уходящая в песок. Это был не рыцарь. Это была гора. Черная гора полированной стали. Доспех не имел никаких украшений. Никакого золота, никаких гравировок, никаких плюмажей. Только матовый, поглощающий свет черный металл. Он был настолько тяжелым, что белый дестриэ под ним прогибал колени, ступая по песку. Но самым страшным был шлем. У него не было забрала. Вместо лица была гладкая, зеркальная маска. В ней отражалось небо, трибуны, лица зрителей, но само лицо владельца оставалось абсолютной пустотой.

Всадник остановился в центре арены. Он не спешил. Он просто сидел в седле, и это неподвижное ожидание давило на толпу сильнее любого крика. — Кто это? — выдохнула Анастасия. У нее пересохло в горле. — Это не «кто», — голос Джека был хриплым. — Это «что». Его называют «Безликий». Или «Тень Протектора». Он не числится ни в одном ордене. Он не имеет герба. Говорят, Протектор лично снимает с него шлем, чтобы покормить с ложки. Никто не знает, кто он. Никто не знает, сколько ему лет. Он появляется раз в десять лет на Турнире Трех Щитов. И он никогда не дерется в первых двух лигах. Он выходит только в Третьем Щите.

Безликий медленно поднял правую руку, затянутую в черную сталь. В ней не было оружия. Он просто указал на королевский павильон. Протектор, сидевший там в окружении своих белых рыцарей, встал. Он был стар, его лицо напоминало печеное яблоко, но спина оставалась прямой. Он кивнул.

Герольд, голос которого внезапно сел, прохрипел: — По воле Верховного Протектора! Лига Третьего Щита объявляется открытой досрочно! Вызов брошен! Кто примет бой с Тенью?

Над ареной повисла мертвая тишина. Даже ветер, казалось, боялся дуть. Сэр Аларик, «Золотая Смерть», побледнел так, что его медная позолота казалась свежей на его лице. Сэр Кейн, «Черный Бык», сжал свой настоящий боевой молот так, что побелели костяшки. Никто не двигался. Выходить против Безликого было самоубийством. Это было все равно что пытаться пробить головой крепостную стену.

— Смотрите, — прошептала Анастасия, дергая Джека за рукав.

Она смотрела не на рыцарей. Она смотрела на песок. От того места, где стоял Безликий, по арене медленно расплзалось черное пятно. Песок не просто темнел. Он... плавился. Стек-

лянел, превращаясь в черное зеркало. Жар, исходящий от доспеха, был настолько велик, что вода, оставшаяся после утреннего дождя, испарялась с тихим шипением. — Это не просто сталь, — прошептала Анастасия. — Это... это похоже на «мертвую воду», о которой ты рассказывал. Только застывшую.

Джек смотрел на это, и его лицо было серым. — Это магия, девочка. Древняя. Запрещенная. Та, от которой отказались даже демоны.

Внезапно тишину разорвал скрежет. На песок, тяжело ступая, вышел сэр Борин. «Камнелом». Его латы были помяты, левая рука висела плетью — похоже, в первом бою он все-таки получил трещину в кости. Он тяжело дышал. С его бороды капал пот. Он подошел к центру арены, остановился в десяти шагах от Безликого и воткнул свой деревянный молот в песок. — Я приму бой, — его голос, хриплый и сорванный, разнесся над полем.

Толпа ахнула. Кто-то истерично засмеялся. Барон Камнелом сплюнул кровью. Он посмотрел на зеркальный шлем Безликого. — Я рубил камень, когда твой отец еще пускал слюни в колыбель, — прорычал Борин. — Я строил эти стены. Я не боюсь теней.

Безликий медленно, очень медленно повернул голову в его сторону. Зеркальная маска отразила старого, избитого барона. Затем рыцарь в черном начал спускаться с коня.

Это было жуткое зрелище. Доспех весил не меньше ста пятидесяти фунтов. Каждое движение давалось с видимым трудом, но в этой тяжести была пугающая плавность. Он не гремел сталью. Он скользил по песку, оставляя в нем оплавленные следы.

Джек вскочил, опрокинув кружку. — Уходим, — он схватил Анастасию за руку. — Сейчас. Пока все смотрят туда. — Подожди, — Анастасия не двинулась с места. Ее глаза не отрывались от арены. — Я должна увидеть. — Ты с ума сошла? Он его убьет! — рявкнул Джек. — Это не турнир, это жертвоприношение! — Именно, — кивнула Анастасия. — И я хочу понять, как они это делают.

Безликий встал напротив Боруна. Он был выше барона на две головы и вдвое шире в плечах. Герольд ударил в гонг в третий раз.

Борин поднял свой деревянный молот. Он сделал резкий, рубящий замах, целясь в шлем. Удар старого воина мог бы расколоть дубовую колоду. Безликий не стал блокировать. Он просто шагнул в сторону. Движение было неуловимым. Молот Боруна рассек воздух. Потеряв равновесие, барон качнулся вперед. И в этот момент Безликий ударил.

Он не использовал оружия. Он ударил левой рукой, облаченной в сталь, Барону в нагрудник. Звук был не похож на удар металла о металл. Это был звук лопнувшей горы. Сэра Боруна не просто отбросило. Его подбросило в воздух. Старые латы на груди смялись, как бумажный лист. Барона впечатало в защитный барьер арены. Деревянные стойки затрещали. Камнелом сполз на песок. Он был жив. Его грудь тяжело вздымалась. Но из рта текла густая, черная кровь. Он попытался приподняться на локте, его глаза искали противника.

Безликий подошел к нему. Он наступил тяжелым стальным сапогом на древко деревянного молота, вдавливая его в песок. Затем медленно, демонстративно, перевел ногу на пальцы левой руки барона, лежащей на земле. Толпа затаила дыхание. Безликий нажал. Раздался хруст. Отвратительный, влажный звук ломающихся костей. Пальцы барона превратились в багровое месиво.

Безликий выпрямился. Посмотрел на королевский павильон. Снова поднял руку в жесте «Вызов». Протектор кивнул. Безликий развернулся и пошел к своему коню. Он даже не оглянулся на сэра Боруна, которого лекари, наконец осмелев, бросились вытаскивать с арены.

— Победа присуждается Тени! — закричал герольд, хотя это и так было очевидно.

Толпа взорвалась аплодисментами. Люди кричали, свистели, бросали на арену цветы. Они приветствовали жестокость. Они приветствовали абсолютную, бесчеловечную силу.

Джек стоял, вцепившись в плечо Анастасии. Его трясло. — Ты видела? — прошептал он. — Он даже не вспотел. Он просто... выключил его. Как лампаду.

Анастасия медленно повернула голову. На ее лице не было ни страха, ни отвращения. Там было холодное, почти научное любопытство. — Выключил, — повторила она. — Ты сказал «мертвая вода» убивает чувства. А что, если его доспех — это не броня? Что, если это сосуд? — О чем ты? — Джек встряхнул ее. — О том, что внутри него пустота, Джек, — она смотрела на удаляющуюся черную фигуру. — Я видела это в его... отражении. Там нет человека. Там нет даже демона. Там просто... закон. Механизм. Они выкачали из него все человеческое и залили туда «мертвую воду». Он не рыцарь. Он — идеальный инструмент казни.

Она перевела взгляд на свои руки. На свои чистые, ухоженные ногти, которые она прятала под слоем грязи. — Мой отец хотел выдать меня замуж за кусок гниющего мяса, — тихо сказала она. — А они... они делают из людей оружие. Я правильно сбежала, Джек. Здесь, в этом сияющем городе, Тьма не прячется в пещерах. Она носит белые плащи и полированную сталь. И она сидит на троне.

Джек молчал. Он смотрел на эту девушку новыми глазами. Девчонка, которая вчера не могла развести огонь, только что провела политико-стратегический анализ высшего уровня, основываясь на одном бое. — Нам нужно уходить из города, — сказал он. — Сегодня же. Прямо сейчас. Если Протектор использует такие игрушки на публику, то что он делает с теми, кто ему не нравится, в подвалах Башни? — Мы не уйдем, — Анастасия посмотрела на него. В ее глазах стояла сталь. — Мы останемся. — Ты рехнулась? — Джек схватил ее за плечи. — Я — торговец шерстью. Ты — беглая невеста с магическими фокусами. Нас повесят на одних воротах! — Нас не поймают, — она мягко, но настойчиво высвободилась. — Потому что теперь мы знаем правила игры. Ты научишь меня, как быть никем. Как пахнуть луком и чесноком. Как ходить, шаркая ногами. А я... — она коснулась своего лба, — я научу тебя, что на самом деле означают гербы на этих щитах.

Она кивнула в сторону арены, где уже готовили ристалище для Второго Щита. — Турнир продолжается, Джек. И я хочу досмотреть его до конца. Сэр Кейн против сэра Аларика. Ставлю свой последний медяк, что «Золотая Смерть» упадет в первом же заезде, потому что его конь не выдержит веса позолоченного седла.

Джек смотрел на нее долго, очень долго. Он видел перед собой безумную, высокомерную девчонку. Но вместе с тем... вместе с тем он видел человека, который смотрел на бездну и не отворачивался. Он тяжело вздохнул, поправил капюшон и сплюнул на чистый валдорийский песок. — Ты невыносима, — пробормотал он. — От тебя у меня скоро язва откроется. — Это потому что ты пьешь слишком много джина, — парировала Анастасия, удобнее устраиваясь на скамье. — Смотри, они выпускают трубачей. Сейчас будет красиво и бессмысленно.

Джек остался стоять. Он смотрел на сияющие шпиль Валдор-Прайма, на черную фигуру Безликого, скрывающуюся в воротах Башни Протектора, и на грязную девчонку, которая оказалась гораздо большей загадкой, чем весь этот проклятый город Светлых Рыцарей. Он понял, что застрял. Путешествие к Перекрестку Семи Ветров отменялось. Началось путешествие в самое сердце лжи, и Джек Торговец чувствовал, что цена билета на этот спектакль будет исчисляться не в золоте, а в крови.

— Ненавижу столицу, — вздохнул он и пошел покупать еще эля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.